

УДК 111.83+1(091)

**РЕАЛЬНОСТЬ И АКТУАЛЬНОСТЬ:
ПОИСК ОСНОВАНИЙ ИСТИНЫ
В ФИЛОСОФИИ Р. ДЕКАРТА И Г. РАЙЛА**

А.С. Сафонов

Аннотация

В статье представлен анализ традиционных подходов к усмотрению оснований истинности (в сознании или окружающем мире) на материале философии Р. Декарта и Г. Райла. Вводятся категории реальности и актуальности, делается вывод о том, что данные категории выражают сосуществующие стороны человеческого бытия. Выдвигается гипотеза о свободной воле, служащей бессознательным стремлением человека преодолеть подавляющую природу окружающей актуальности и утвердиться в сознательной реальности.

Ключевые слова: реальность, актуальность, истина, основание истинности, сознание, окружающий мир, свобода воли.

В поисках истины

Стремящийся познать истину окружающего мира неизбежно делает это посредством своего сознания. Однако такое инструментальное применение оставляет сознание за границами познавательного процесса. Ситуация парадоксальна: с одной стороны, мир вокруг требует разъясняющей силы сознания, с другой – само сознание пребывает в неясности. Говоря иначе, неясное познаётся неясным. Обычно этот замкнутый круг разрывается отнесением истины к какому-либо полюсу познания: она видится либо в сознании, как это происходит у Рене Декарта, либо в вещах окружающего мира, что характерно для физикалистов различного толка, например для Гилберта Райла, одного из наиболее последовательных критиков картезианства в аналитической философии. Аргументированность обеих позиций заставляет нас заново обратиться к проблеме поиска основания истинности, так как выбор между ними зачастую делается или в силу индивидуальной предрасположенности, или в силу традиции. Поэтому для нас сомнительным будет любой выбор, до тех пор пока истина не проявится со всей очевидностью. С этой целью мы сопоставим взгляды Декарта и Райла, которые помогут нам рассмотреть означенную проблему.

Совершенно естественно возникает вопрос: разве возможно обнаружить какую-нибудь истинность, будучи сплошь объятым неясностью? Что ж, даже если путь тёмный, дорогу всегда можно обнаружить у себя под ногами. Такой опорой для нас станет первейшее из картезианских начал философии: «Человеку, исследующему истину, необходимо хоть раз в жизни усомниться во всех вещах – насколько они возможны» [1, с. 314]. Следует оговориться, что это не есть

изначальное симпатизирование картезианскому подходу, это, скорее, начальная мизансцена, констатация нулевой точки, откуда невольно нужно исходить.

Неожиданность такого положения заставляет чувствовать себя сорвавшимся в пропасть. Естественной реакцией становится стремление ухватиться за первое попавшееся под руку – вещи, ежедневно нами используемые и не вызывающие никакого сомнения относительно своей истинности. Кажется, что та очевидность, с которой мы действуем привычными в повседневности вещами, может запросто послужить искомым основанием истинности. Данная позиция характерна для физикалистского подхода Райла и, безусловно, заслуживает внимания. Тем интереснее райловские взгляды для нас, если учесть, что даже Декарту, из критики которого они и произрастают, приходилось считаться с очевидностью повседневного действия. Так, чтобы избежать парализующего эффекта методологического сомнения, Декарт оговаривает его применение сферой «созерцания истины» [1, с. 314]. Тем самым очищенная от действия протяжённая вещь становится случайностью, вырванной из обыденного окружения, поскольку легко вообразить её иной или приснившейся нам. Свою истинность она, таким образом, для Декарта приобретает в очевидности мысли, то есть сознания.

Чтобы понять эту двойственность истины, основания которой могут быть в практической сфере и в сфере мышления, и избежать путаницы, введём два понятия: *актуальность* – очевидность протяжённой вещи в действии – и *реальность* – очевидность вещи мыслимой. Подобное разграничение своими корнями уходит в оппозицию дуализма и физикализма в истории философской мысли (см. [2]). В зависимости от того, признаётся ли сознание в качестве самостоятельного идеального явления, несводимого к физическому миру, или оно вписывается в монистическую картину физического бытия, сторонники дуализма и физикализма по-разному понимают то, что они одинаково именуют истиной. В соответствии с этим необходимы рабочие термины – актуальность и реальность, употребление которых упростило бы разграничение истины с точки зрения дуалистической и физикалистской позиций. Это тем более важно, поскольку данные способы теоретического схватывания истинности могут оказаться не взаимоисключающими.

Таким образом, проблема поиска основания истинности будет решаться нами путём рассмотрения онто-гносеологических категорий актуальности и реальности, основанного на опыте сопоставления философии Г. Райла и Р. Декарта.

Реальность и актуальность

В первую очередь рассмотрим то, как категория реальности получает своё обоснование во взглядах Декарта на истину. Для наглядности начнём с примера. Так, созерцаемая вещь, допустим, кофейная чашка в повседневном обращении не вызывает никакого сомнения. Ежедневно мы наполняем её, пьем из неё и т. д. Беря её в руки каждое утро, мы не сомневаемся в её очевидности, истинности. Однако выступать гарантом истины, то есть её устойчивым основанием, такая случайная вещь из обыденного окружения не может, поскольку легко вообразить, что выбранной чашки никогда не существовало или что она имеет более яркий рисунок на стенках. Она попросту может нам присниться. Таков ход картезианских размышлений.

Случайность вещи, выхваченной из темноты привычности, заставляет нас отказать ей в праве на очевидность, из чего следует, что и мышление на её основании не будет ясным, истинным. Вместе с тем сомнительным в отношении созерцания истины оказывается и весь физический мир, поскольку его непосредственная достоверность отнесена Декартом к сфере практических действий, которую он решает не принимать во внимание. Не стоит видеть в этом избирательность и ограниченность картезианских позиций. Дело в том, что Декарт принимает методологическое сомнение со всей серьёзностью и осуществляет его по-настоящему, он не позволяет себе быть непоследовательным, ввергая все вещи в неизвестность и в то же время орудия ими так, как привык это делать изо дня в день.

Таким образом, когда мы действуем, например, чашкой по прямому назначению, сомнение в её истинности совершенно неуместно. Ситуация меняется на противоположную в том случае, если столь ненадёжный предмет взять за основание истинности размышлений. Вырванная из актуальности *res extensa* (вещь протяжённая), являясь составляющей изменчивого и подвижного мира телесности, оказывается ненадёжным фундаментом реальности. Подобно Танталу, познающий приближается к вещности телесного мира в надежде утолить жажду истины, избавление от которой обещано лёгкостью повседневного правдоподобия, однако каждая попытка тщетна: истина в последнее мгновение ускользает от страждущего взгляда созерцающего, лишь усиливая желание.

В чём же Декарт обнаруживает очевидность реальности? Иначе говоря, что делает её единственным основанием истины? Кажется, что оно не может быть найдено, так как однажды запущенный механизм методического сомнения неостановим и под его жерновами любая вещь рассыпается в пыль безосновности, поверхностности. И вот, когда не остаётся ничего, кроме сомнения, ответ, столь простой и очевидный, приходит сам собой, подобно озарению. Словно расфокусированный взгляд вновь обретает резкость, и мы замечаем то, что всегда было поодаль: «Мы не можем сомневаться в том, что, пока мы сомневаемся, мы существуем» [1, с. 316]. Само мышление становится той спасительной соломинкой, за которую вытягивается реальность. Иными словами, реальность получает основание истины в мышлении, которое отождествляется Декартом с сознанием. Поэтому можно сказать, что реальность имеет свою истинность в очевидности сознания.

Однако из этого ещё не явствует то, как сознание в своей очевидности обретает истинность физического мира. Сомнение, реализуемое в мышлении, не властно над самой сомневающейся мыслью, но оно по-прежнему довлеет над протяжённой вещью, и не понятно, каким образом истинность сознания оборачивается реальностью тела. Здесь-то и являет себя гениальная картезианская максима *cogito*, которая утверждает реальность не только индивидуальной мыслящей души, но и телесного мира. Там и тогда, когда мы с полной ясностью утверждаем: «Я мыслю, следовательно, существую», «Я» реализуется как вещьность в нерушимом единстве мысли и протяжённости.

Таким образом, картезианский дуализм представляет собой двойственный описательный конструкт единого мира, основной целью которого является понимание направленности мысли при обнаружении основы реальности, от души

к телу. *Res extensa* становится реальной в мысли (в *res cogitans*), однако не стоит упускать из внимания, что они обе суть *res*, то есть одна и та же вещь. Искушение понимать дуализм как составную характеристику человеческой сущности приводит к размежеванию единого человека на два противопоставленных полюса, один из которых невольно заслоняется другим в силу деспотичного желания целостности. Отсюда проистекает популярное в аналитической философии стремление развенчать картезианский миф о «призраке в машине», о котором мы ещё скажем.

Итак, одновременно с постулированием мышления в качестве основания истинности имплицитно вводится и весь материальный мир. «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю, следовательно, существую») в свёрнутом виде несёт имманентное единство дуалистичного мира, реальность которого есть истинность мышления.

Из этого понятно, что реальность погружена Декартом в недра индивидуальной жизни. Это, впрочем, не означает, что такой ход обоснования лишает истинность всеобщности, так как приватным является только способ её отыскания, то есть путь, который каждый прокладывает к незамутнённой сознательности. Однако именно такое уединение познающего, не доступное для третьих лиц, становится лёгкой мишенью для критики со стороны Гилберта Райла. В его взглядах аргументируется иная позиция, согласно которой основанием истинности выступает то, что мы обозначили условным термином «актуальность», то есть то, что имеет очевидность в практическом действии. Таким образом, рассматривая точку зрения Райла, необходимо учитывать, что он актуальность как несомненность повседневного действия противопоставляет исследованной выше категории реальности.

Актуальность, обойдённая Декартом, свою достоверность имеет в действии, а потому она всецело публична. Именно это, как считают, дарует ей право выступать одновременно и судьёй, и критерием истинности для скрытой по отношению к ней работы сознания. Неважно, насколько чётко и ясно мы что-либо сознаём внутри себя, если результаты нашего действия противоположны заключениям мысли. Каузальная связанность актуальности видится гарантом, предотвращающим от ошибок всякого рода. Знание должно соответствовать истине *res extensa*, а точнее многообразию взаимодействий конкретных вещей. Истинно знать – значит знать всевозможные реакции материального мира в той или иной ситуации. Иными словами, в повседневном действии сознательность предстаёт непротиворечивостью, согласованностью и приспособленностью к истине окружающего мира. С мышления спадает вуаль приватности, поскольку оно постоянно должно соотносить себя с внеположенной истиной единого и непротиворечивого в своих реакциях мира.

Причину заточения Декартом призрака души в «машину тела» Райл видит в его неспособности принять тот факт, что «человеческая природа отличается от часового механизма лишь степенью сложности» [3, с. 28]. Механические законы причинно-следственных связей, определяющие актуальность, необходимо распространяются и на ментальную сферу. Душа не противостоит материальному миру как нечто совершенно иное по своей природе, наоборот, она всецело включена в этот мир и подчинена ему.

Названная включённость мышления в мир физических процессов приводит к обособлению *res extensa*. Здесь, будучи простой очевидностью, она предстаёт

как вещь «сама по себе». Заклячая в себе истину, она предстаёт так, словно познающего вовсе не существует. Осторожно приближаясь, сохраняя почтенное расстояние, человек пытается узнать, какова вещь тогда, когда он поворачивается к ней спиной. Словно боясь, что вещь преобразится или исчезнет, учёный муж желает закобалить её законом, который бы отражал имманентную диспозицию физического мира. Под *диспозицией* мы вслед за Райлом понимаем внутреннее свойство вещи, необходимо проявляющееся в определённых условиях: «Когда мы говорим, что стекло хрупкое, а сахар растворимый, мы употребляем диспозиционные понятия» [3, с. 51].

Актуальность, таким образом, представляется как неизменно, постоянно и повсеместно действующий закон. Поэтому мысль характеризуется истинностью только в законооформленном виде. Познающий пытается повторить и уложить в своём сознании непротиворечивые взаимодействия внутри физического мира. Всеобщая гомогенность протяжённого мира в диспозиции отражается такой же гомогенностью мышления. «Суждение, – пишет Райл, – приписывающее предмету диспозициональное свойство, во многом, хотя и не во всём, сходно с суждением, подводящим предмет под действие закона» [3, с. 52]. Иначе быть и не может, так как сознание видится апологетам актуальности ограниченным рамками физического мира. Думать иначе означает допускать удвоение привычного мира, непосредственно доступного в повседневности, что ведёт, в свою очередь, к разрыву однородности и единообразия, к которым стремятся диспозициональные суждения и законооформленная мысль.

Неизменность, с которой в повторяющемся опыте открываются диспозиции, есть заветное сокровище истины. Являясь тотальной в распространении своей однородности, актуальность смазывает границы любой индивидуальности. Это, например, делает практически невозможным различение сознательной деятельности и подражания ей в действии. «Отслеживать» сознание другого в его многообразных физических проявлениях, считает Райл, есть единственный способ достоверно узнать его: «Явно представленные разумные действия не служат лишь ключом к работе сознания, они сами являются этой работой» [3, с. 66]. Единичный факт на поверхности чувственного восприятия актуальности не может стать тем, в чём открывается её истинность, по причине его уникальности. Такой факт есть простая информативность, *знание-что*, согласно Райлу. Тогда же, когда фактичность приобретает повторяемость, можно говорить о том, что несомненность истины проступает со всей очевидностью. Так актуальность открывает свои законы, которые есть *знание-как*, то есть знание того, как физический мир проявляет себя в конкретном стечении обстоятельств без непосредственного созерцания данного проявления в фактах.

Знание-как реализует себя прежде всего в практической деятельности, как бы втягивая человека в эффективное функционирование актуальности. Естественно, что это трудоёмкий процесс, отличающийся от простого усвоения истин: «Обучение *как*, или совершенствование умения, не похоже на обучение *что*, или получение информации. Истины могут быть переданы, способы действия – только привиты» [3, с. 67].

Таким образом, актуальность преодолевает всякое возмущение индивидуальности. По своей сущности она гомогенна, подобно функционирующему механизму, случайность составных элементов которого обнаруживается только при полной остановке. Именно такая безжизненность предстала Декарту в тот момент, когда он отстранил практическую сферу повседневных действий, выделив из неё протяжённость материальной вещи.

Актуальность заставляет всё работать и двигаться согласно собственной имманентной диспозиции, из которой не выпадает и ментальная сфера. Сознание, трансформируясь в «разумное действие», занимает отведённое для него место *знания-как*. Опираясь на очевидность окружающих вещей «самих по себе», сознание с интуитивной ясностью являет себя в повседневном существовании. Всякое сомнение здесь излишне, человек просто знает, он научился этому и ожидаемо результативно реализует на практике. Человек не проблематизирует каждый свой шаг, если, конечно, сверхординарные обстоятельства не заставляют его это делать, ноги переставляются сами собой так, как он это делал, кажется, всегда, потому что он знает *как*.

Таков связующий и уравнивающий род всякой актуальности. Можно сказать, что в её границах мы все равноудалённые тела. Однако это не означает, что актуальность замыкается рамками материального мира. Так же как и высшие диспозиции, проявляющиеся, по идее Райла, «в неопределённом разнообразии форм» [3, с. 52], актуальность устанавливается во множестве функциональных областей: социальной, этической, языковой и др. Всё значимое, окружающее человека, формирует в конечном счёте многоликую актуальность мира.

Рассмотрение категорий реальности и актуальности имело своей целью определить основание истинности, то есть тот фундамент несомненности, который стал бы опорой для идущего во тьме неизвестности. Попытка узреть очевидность и ясность каждой из этих категорий позволила понять, что однозначный выбор здесь невозможен, так как ущербным оказывается любое исключение. Перед нашим мысленным взором предстаёт столкновение двух миров, двух истин, между которыми зажат человек. Истина оказывается для нас разорванной противостоящими очевидностями, что невольно толкает к выводу о её релятивистском характере. Совершая скачок из актуальности в реальность и наоборот, человек не познаёт истину мира, а занимает иную систему инерциального отсчёта. Говоря иначе, всякий раз, когда что-либо утверждается как истинное, неизбежно следует уточнять: истинно относительно чего? Тем самым истина может показаться абстракцией, мысленной объясняющей фикцией. Однако такой вывод неприемлем для нас, так как данный подход, стремящийся увязать категории реальности и актуальности, элиминирует их общее основание взаимного влияния. По сути, относительное видение истины также оборачивается ограничивающей однозначностью: либо реальность, либо актуальность, между которыми мечется человек, подобно швейной игле, из верхнего положения в нижнее и обратно. Однако смена состояний (под влиянием или внешних обстоятельств, или, предположим, внутренней интенции индивида, или чего-нибудь совершенно иного) должна заключать в себе руководящий принцип, велящий человеку совершать перемещение. Данным принципом, по-видимому, и оказывается стремление найти истину, избегая притягательного правдоподобия. Рассматривая

взаимосвязанное отношение реальности и актуальности, мы попытаемся прояснить сей принцип, образно говоря, соединить выявленные точки направленным отрезком.

Воля как бессознательное стремление к сознательности

Если принять реальность и актуальность не как взаимоисключающие подходы к основанию истинности, а как сосуществующие стороны единого мира, то необходимо в первую очередь понять природу их взаимодействия.

Однородность с миром, стирание всяких границ в бессознательной интуитивной достоверности открывает нас для актуальности. Иного способа непротиворечивого единения целого с целым, кроме подчинения, не существует. Можно сказать, что актуальности двойко индифферентна, то есть, с одной стороны, она внутренне однородна и не имеет в себе никаких переходов, с другой – она в бессознательной интуитивности делает безразличными к себе подчинённые элементы. Незаметность актуальности позволяет ей быть естественной (самоочевидной) достоверностью, раскрываться в позиции истинности по умолчанию. Так же как сердце бывает незаметно в своей работе, человек растворяется в рутине дней.

Индифферентной, гомогенной и бессознательной актуальности противостоит реальность, обретаемая как истинность в индивидуальном сознании. В «Рассуждениях о первой философии» Декарт замечает: «Что же до испытываемого мной состояния безразличия, когда разум никак не склоняет меня в одну сторону более, чем в другую, то это низшая степень свободы, свидетельствующая лишь о полном отсутствии в ней совершенства и о недостаточности познания – иначе говоря, это некое отрицание: ведь если бы я всегда ясно понимал, что такое истина и добро, я никогда не колебался бы в выборе того или иного суждения или действия; в таком случае, хотя я и совершенно свободен, я никогда не мог бы находиться в состоянии безразличия» [4, с. 48].

Картезианскую свободу воли следует понимать как имманентную человеческую устремлённость от индифферентной актуальности к реальности. Однородность данного в чувственной интуиции повседневного функционирования разрывается волевым актом обращённости к сознательности. Это ещё не истина, но взгляд, направленный в её сторону, интенция свободного духа к свету реальности, поэтому в ней всё же таится возможность заблуждения. Бессознательное стремление к сознанию может вести к поспешности выводимых заключений, которые нередко оказываются далеки от истины.

Возмущающая однородную поверхность актуальности, свободная воля нуждается в разумном ограничении. Требуется быть осторожным и воздерживаться от суждений, когда недостаточно ясно и отчётливо воспринимается то, что истинно. Именно поэтому первым шагом декартовской методологии определено сомнение. Если воля взрывает однородную индифферентность, то сомнение как начало сознательности оберегает от искушения схватить ближайшее в качестве критерия истинности. Как жаждущему не следует пить из первого попавшегося водоёма, не удостоверившись в чистоте воды, так и познающему должно усмирять свою жажду истины, воздерживаясь от суждений, чтобы не быть обманутым подобием правды.

Однако из всего вышесказанного не следует, как это может показаться, что актуальность пассивна по отношению к разрывающей её реальности. Уже отмечалась тотальность уравнивающего в однородности влияния актуальности, к этому следует присовокупить то, что данное влияние имеет подавляющий характер. Можно сказать, что актуальность всячески противится и стремится подчинить возмущающий порыв бунтующей индивидуальности. В повседневности для человека существует множество неотложных дел, имеющих неоспоримый приоритет перед всем остальным, даже перед истинностью. Они проявляются на различных уровнях детализации человеческой сущности: природной, социальной, гносеологической и др. Утоляем ли мы голод, поздравляем ли коллегу с днём рождения или подставляем числа в формулу для проведения требуемых расчётов – над всем этим реет стяг актуального «надо».

Казалось бы, автоматизм ритуализированного «надо» должен освободить разум для реальности, созерцания истины, как это происходит у Декарта, но актуальность хитрее, чем предстаёт на первый взгляд. Она имеет эффективный механизм стимулов, всякий раз возвращающих человека к приземлённости практических действий. Отсечённая Декартом за недоверчивостью случайность протяжённого мира есть то, что восстанавливает и отодвигает предел индифферентной необходимости. Говоря иначе, актуальность не позволяет привыкнуть к себе настолько, чтобы стать несущественной. Её изменчивость заставляет вновь и вновь искать повторяемости и устойчивости повседневного бытия, и человек сам идёт в объятия бессознательности. Так становится понятным декартовский девиз: «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался» [5, с. 96]. Это отнюдь не бегство от жизни, это способ взглянуть за её ближайшую наличность, остановив тираническую индифферентность. Только так возможно возвышение индивидуальности над плоскостью однородного мира.

Заключение

Понятия реальности и актуальности позволяют узреть мир в разворачивающемся противоборстве сознания и бессознательности. Означенные категориальные полюса истинности не являются просто основанием позиции того или иного мыслителя, в данном случае Декарта и Райла. Неуместно здесь утверждать ложность чьих-нибудь взглядов, сводя их к несуществующему предмету. Как кажется, нам удалось показать, что заблуждения – это не утверждение небытия, напротив, они говорят о значительной стороне сущего – тёмной сфере функционирующей бессознательности. Природа её такова, что истина обретается в противлении её подавляющему воздействию при помощи заложенных в человеке воли к свободе, имманентной устремлённости к сознанию и сомнения в качестве первого, регулирующего, разумного акта.

Summary

A.S. Safonov. Reality and Actuality. Searching for the Foundations of Truth in the Philosophy of R. Descartes and G. Ryle.

This paper presents an analysis of the traditional approaches to understanding the foundations of truth (either in the consciousness or outer world) based on the philosophy of R. Descartes

and G. Ryle. The categories of reality and actuality are introduced. It is concluded that they coexist in a human being. A hypothesis of free will as an unconscious desire of humans to overcome the overpowering nature of outer actuality in order to gain a foothold in the conscious reality is suggested.

Keywords: reality, actuality, truth, foundation of truth, consciousness, outer world, free will.

Литература

1. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 297–423.
2. *Юлина Н.С.* Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 2006. – Вып. 12: Феномен сознания. – С. 9–42.
3. *Райл Г.* Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
4. *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – С. 3–73.
5. *Ляткер Я.И.* Декарт. – М.: Мысль, 1975. – 198 с.

Поступила в редакцию
10.09.14

Сафонов Александр Сергеевич – магистрант кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: chelovek-3000@yandex.ru